

1 - 7 ОКТЯБРЯ 1998 ГОДА
ОБЩАЯ ГАЗЕТА
№ 39 (269)

вернисаж

ВЫСТАВКИ / Центральный Дом Художника / Анатолий Чечик, до 12 октября

Личность ли Бог

В СЕНТЯБРЕ музыкальный мир праздновал 70-летие великого немецкого композитора Карлхайнца Штокхаузена. Патриарх-авангардист, бодрый не по годам, охотно раздавал интервью, был общителен и остроумен. Кто-то из журналистов, изнывающих от недостатка воображения, но претендующих на оригинальность, поинтересовался: «О чем вас никогда не спрашивают, хоть вы и желали бы высказаться?» Штокхаузен ответил с неожиданной серьезностью: «Личность ли Бог? Этот вопрос я задаю себе почти каждый день... Я глубоко уверен, что когда-нибудь все-таки смогу испытать что-то такое, что даст мне возможность убедиться в том, что Бог — личность».

По форме это похоже на давний диагноз, поставленный России Николаем Бердяевым: «утрата веры и тоска по святыне» — по форме, но не по сути. У Штокхаузена ведь нет никакого чувства утраты: он твердо верит, что Бог — есть. Кто он, какой он — не знаю, говорит старый композитор. Надеюсь узнать в будущем.

Думаю, что самые радостные мои предположения подтвердятся.

Слова Штокхаузена, пронизанные мужественным оптимизмом, — самый уместный эпиграф к разговору о выставке Анатолия Чечика, открывшейся в ЦДХ. Прежде всего — о картинах библейского цикла, занимающих и в экспозиции, и в жизни художника особое место. Эта живопись — даром что сугубо фигуративная, предметная, понятная, — находится в непростых отношениях с традиционным религиозным искусством. Не рвет отношений с традицией, ничему не перечит, но для каждого из событий Священной Истории художник выбирает новый ракурс. Иногда — ошеломляюще непривычный. В первую минуту даже отпугивающий избыточной резкостью, оригинальностью на грани оригинальности. Однако, постояв и подумав, понимаешь, что картина Чечика с бесстыдной, старорежимной откровенностью хочет тебе что-то сообщить — и выбранный поворот сюжета художественно неизбежен.

Я до сих пор помню, какое впечатление произвела на меня когда-то чечикова «Тень Голгофы» — злая рыжая жара, сухой дерн, полукруг коренастых, словно бы утрамбованных человечков, почти слившийся с пейзажем: они с любопытством смотрят в одну точку, и взгляды сходятся где-то над твоей головой. А на толпу падает, наполам ее разрубая, прямая темная тень — как от столба. Присмотревшись, видишь: у верхнего края рамы намечилось перекрестье — и тут чувствуешь (не понимаешь, а именно чувствуешь), что у тебя за спиной — близко, почти вплотную — стоит Распятие. Это очень страшно.

Работ такого рода — по настроению, по воздействию — на новой выставке меньше всего. Есть Юдифь перед головой Олоферна: красивая, страшная, голая — только что испытывавшая оргазм подвига и убийства. Есть «Моление о чаше» — темные деревья Гефсиманского сада, контур города на горизонте и лицо Христа, распластавшегося по земле. Безглазое, как-то очень неестествен-

но повернутое к небу — его поначалу вообще за лицо не принимаешь: то ли камень, то ли корень... Потом делается ясным, какая сосредоточенная мука это лицо исказила, — и оно долго не отпускает. Это даже не боль, это ужас заведомо неисполнимой просьбы. Чаша не минует Христа, он молится впустую — и, разумеется, не случайно пуст центр картины: там — чернота, и больше ничего быть не может. Строение композиции для Чечика — дело не только значимое, но и знаковое, смысловое. Я, к примеру, не сумел догадаться, зачем в своих «Гостях Авраама» художник перевернул вверх ногами рублевскую «Троицу» — но твердо уверен, что это не хулиганство и, тем более, не бравада отчаяния. Конечно, это не благовоительный жест — но и не бессмысленный тоже. Его юмор не разрушителен.

В новых обращениях Чечика к библейским сюжетам куда меньше драматизма. Главные персонажи по-прежнему оттесняются на периферию — и в «Поклонении волхвов», и в «Бегстве в Египет»,

Анатолий Чечик. Гости Авраама

и в «Тайной вечери» они становятся крошечными фигурками. Они почти теряются в пространстве: в «пустыне, подобранной небом для чуда по принципу сходства», — как писал двадцать лет на-

зад Иосиф Бродский. Мир, окружающий их, темен и тревожен. Человек в нем — мелочь. Но именно эта мелочь не позволяет миру окончательно стать пустыней. И не позволит, поскольку Бог есть,

и, скорее всего, Он — личность. Заглянуть ему в лицо мы уже не можем, но не будем терять надежды, что он простит нас и за это.

Александр СОКОЛЯНСКИЙ